

Изъ житія соловецкаго пустынника Теофана

Теофанъ былъ родомъ изъ малороссійскихъ земледѣльцевъ. Двѣнадцати лѣтъ онъ лишился своихъ родителей и остался сиротою, вмѣстѣ съ малолѣтнимъ братомъ и сестрою. Шестнадцати лѣтъ Теофанъ принялся за земледѣліе. Однажды, когда онъ трудился въ полѣ, божественный свѣтъ озарилъ его душу; особенное умиленіе наполнило его сердце: въ тотъ же часъ онъ распрягъ воловъ своихъ, оставилъ землю, плугъ и, даже не простясь съ братомъ и сестрою, увлекаемый любовію ко Христу, пошелъ изъ родной стороны. По прибытіи въ Кіевопечерскую лавру, онъ былъ принятъ въ число послушниковъ. Здѣсь онъ въ разныхъ трудахъ провелъ семнадцать лѣтъ и опредѣленъ былъ на служеніе подвижнику Досифею, проживавшему въ затворѣ уже третье десятилѣтіе. Досифеию никуда не выходилъ изъ своей кельи и никого не принималъ къ себѣ; желавшіе получить отъ него благословеніе и наставленіе могли бесѣдовать съ нимъ чрезъ окно его кельи. Особый даръ слова въ немъ соединялся съ прозорливостію. Онъ обличалъ тайныя прегрѣшенія и возбуждалъ къ покаянію; предостерегалъ отъ будущихъ бѣдъ и искушеній. Замѣчали, что когда онъ давалъ просфору или жезлъ, то этимъ означалось выздоровленіе и благоденствіе, а когда ладанъ, то этимъ предвѣщалась смерть. У этого подвижника Теофанъ учился иноческой жизни. Скоро въ немъ возгорѣлось желаніе посѣтить святыя мѣста, ознаменованныя событіями земной жизни Господа Іисуса Христа. Когда Теофанъ просилъ у своего старца благословенія на дальній путь, то получилъ отвѣтъ: „нѣтъ тебѣ пути ни въ Іерусалимъ, ни въ Святую Гору; тебѣ предлежитъ въ свое время другой путь; а теперь, если желаешь, ступай въ Молдавію; это будетъ тебѣ на пользу.“ Онъ велѣлъ Теофану идти на Подоль (нижнюю часть города Кіева), и, отыскавъ тамъ двухъ молдавскихъ иноковъ, привести ихъ къ нему. Одинъ изъ этихъ иноковъ былъ Софроній, другъ и сподвижникъ великаго Паисія, бывшій послѣ архимандритомъ. Исполнивъ всѣ порученія, данныя ему Паисіемъ, онъ собирался отправиться въ обратный путь, какъ Досифеи призвалъ его и просилъ взять съ собою его ученика. Молдавскіе иноки охотно взяли съ собою Теофана и пользовались его услугами въ пути. Не легко показался Теофану путь этотъ отъ притѣсненій со стороны Турокъ и разныхъ лишеній, такъ что онъ раскаявался въ томъ, что покинулъ Кіевъ. Близъ Нямецкой обители встрѣтилъ путниковъ Паисіи и привѣтствовалъ Теофана слѣдующими словами: „Чудо Теофане! не вотще бысть къ намъ путь твой; онъ уготовилъ тебѣ мзду свою.“ Любезно принятый, Теофанъ сначала жилъ въ Нямецкомъ монастырѣ; потомъ ходилъ въ другія обители, осматривая ихъ мѣстоположеніе, изучая чиноположеніе и уставы монашескіе, нравы и обычаи иноческаго житія. Весьма поучительнымъ показался ему примѣръ жизни этихъ иноковъ. Нестяжаніе ихъ было полное: въ кельяхъ, кромѣ иконы, книги и орудій для рукодѣлья, не было ничего. Иноки особенно отличались смиреніемъ, устраняясь гордости и тщеславія; ненависти и взаимныхъ обидъ они не знали; если

случалось кому либо, по неосторожности или горячности, оскорбить другого, такой спѣшилъ примириться еъ оскорбленнымъ. Кто не хотѣлъ простить согрѣшившаго брата, былъ изгоняемъ изъ монастыря. Походка у иноковъ была скромная и благочинная: глаза опущены въ землю; при встрѣчѣ одинъ другого предупреждалъ поклономъ; въ церкви стояли на назначенномъ для каждаго мѣстѣ, празднословія не допускали не только въ церкви, но ни въ монастырѣ, ни внѣ его. Съ аввою Паисіемъ жило тогда до семи сотъ братій, и когда они собирались на послушаніе по сто и по полутороста человекъ, то одинъ изъ братій читалъ книгу, или рассказывалъ какую либо душеполезную повѣсть. Если же кто начиналъ праздный разговоръ, немедленно его останавливали. Въ кельяхъ одни писали книги, другіе пряли волну, иные шили клобуки и камилавки, выдѣлывали ложки, кресты, или занимались разными рукодѣліями. Всѣ были подъ надзоромъ духовниковъ и наставниковъ; никто самовольно не дерзалъ даже съѣсть какой либо плодъ, которыхъ такъ много въ той странѣ; только съ благословеніемъ и всѣ вмѣстѣ они вкушали произведенія земли во славу Божию.

По сердцу пришлась Теофану эта жизнь и онъ просилъ Паисія оставить его въ Молдавіи. „Иди теперь въ Россію,“ сказалъ Паисій, „и еще не много послужи старцу, имѣющему скоро скончаться, и, по благословенію его, иди спасаться, куда онъ тебѣ укажетъ.“ И напутствуя его своимъ благословеніемъ, прибавилъ: „чадо, Богъ и Пречистая да соблюдутъ тебя на всякомъ пути; вѣрую, что Богъ не дастъ тебѣ искуститься болѣе мѣры и сподобитъ части избранныхъ Своихъ, ради молитвы преподобныхъ отецъ Антонія и Теодосія, Печерскихъ чудотворцевъ, и старца твоего Досифея; да будетъ на тебѣ отъ нашего смиренія благословеніе Божіе. Скажи благоговѣйному старцу твоему благодарность и не забывай наше убожество.“ Снабженный на дорогу всѣмъ потребнымъ, Теофанъ благополучно прибылъ въ Кіевъ...

< ... > Испытывая одного изъ учениковъ своихъ, Теофанъ спросилъ его: „какъ ты слагаешь персты для крестнаго знаменія?“ Тотъ, показавъ ему троеперстное сложеніе, сказалъ: „такъ, отче, какъ Православная церковь учитъ. Во свей Россіи, послушные сыны Церкви, слагаютъ персты для крестнаго знаменія также, какъ и я.“ Теофанъ сказалъ: „будучи въ пустынѣ, я грубымъ людямъ не воспрещалъ знаменоваться двумя перстами, только бы они ходили въ церковь; но ты берегись послѣдователей раскола. Когда я жилъ въ Кіевѣ, то во всей Малороссіи не видѣлъ ни одного, кто бы молился двуперстнымъ сложеніемъ. Былъ я и въ Молдавіи, въ Нямецкомъ монастырѣ, у аввы Паисія; тамъ было болѣе 700 братій изъ разныхъ странъ — молдаванъ, сербовъ, болгаровъ, венгерцевъ, грековъ, армянъ, евреевъ, турокъ, великороссіянъ и малороссіянъ: и всѣ они молились троеперстнымъ сложеніемъ, о двуперстїи же тамъ и не слышно“...

По книге „Соловецкий патерик“. Москва.
Синодальная библиотека Московскаго патриархата.
Изд-во ИНТО, 1991 г. Стр. 137–139, 150.